

сенъ въ Волгу, гдѣ, по утру, шайки на своемъ стругѣ увидали, пригнали челнокъ къ своему стругу, и взяли этого мальчика къ себѣ до возраста, росъ болѣе онъ у нихъ въ землянкѣ, на 17 году стали его съ собой брать и приучать къ своей должности, атамана у нихъ не было, а одинъ эсаулъ управлялъ, его и сдѣлали атаманомъ своей разбойничьей шайки». Подвиги и затѣмъ раскаяніе этого Рощина описываетъ книжка стихами въ родѣ слѣдующихъ:

Изъ землянки вышелъ онъ,
Только слышенъ Оки стонъ,
Мглою покрыты небеса,
Да шумятъ въ дали дѣса,
Ночь осення даже скучна,
Туть ему благополучна,
Привести въ порядокъ грѣхъ,
Это мучитъ даже всѣхъ.
Приступившихъ на земли,
Объ себѣ всякой внемли,
Козьма Рощинаъ идетъ онъ,
И симхія слышалъ стонъ,
Въ небо темное воззрѣлъ и т. д.

Но поставщики народно-книжнаго товара не ограничиваются только отечественными сюжетами. Для нихъ мало своихъ Рощинныхъ, Чертовыхъ Усовъ, Медвѣжьихъ Лапъ, и вотъ являются на сцену благородные рыцари, короли, принцы, графы и т. п. Вотъ напримѣръ, «Исторія о славномъ и неустрашимомъ рыцарѣ богатырѣ, Сидѣ Камнеадорѣ, христіанскомъ героѣ и грозѣ мусульманъ, и прекрасной принцессѣ Ксименѣ». Здѣсь уже дѣйствующими лицами являются и король Кастиліи Фердинандъ и германскій императоръ Генрихъ II и его святѣйшество папа Викторъ II и разные благородные рыцари: Донъ-Діего Лэпесъ, Родриго Діацъ-де-Биваръ, Донъ Сюръ и т. п. Въ подобномъ же духѣ и другая довольно популярная у насъ «Повѣсть о приключеніяхъ Англійскаго Милорда Георга и Бранденбургской марк-графини Фридерики Луизы, съ присовокупленіемъ исторіи бывшего турецкаго визиря Марцимириса и Сардинской королевы Маріи Терезіи». Драки, поединки рыцарей, турширы, пиры, любовныя похождения—вотъ сюжеты этихъ повѣстей и романовъ и подобныхъ имъ, въ родѣ «Гуакъ или непреоборимая вѣрность», «Битва русскихъ съ Кабардинцами или прекрасная Магометанка, умирающая на гробѣ своего супруга» и т. д. Этимъ мы и закончимъ печальную картину настоящаго состоянія нашей народной беллетристической литературы, составляющую самое темное пятно на общей, тоже не особенно отрадной, картинѣ нашей народной литературы вообще.

Легко ли устраивать публичныя лекціи.

(Письмо изъ Нижняго-Новгорода).

Читателямъ «Недѣли», мнѣ кажется, вѣтъ нужды объяснять то значеніе, какое имѣютъ—особенно въ провинціи—публичныя лекціи. Поэтому, не останавливаясь на общихъ мѣстахъ, приведу лишь частное доказательство, показывающее, какъ трудно у насъ устраивать публичныя чтенія, помимо всѣхъ тѣхъ трудностей, которыя представляетъ отыскиваніе лекторовъ, достаточно владеющихъ способностью популярнаго публичнаго изложенія своихъ мыслей.

Въ теченіе нынѣшней зимы однимъ лицомъ предполагалось прочесть въ Нижнемъ-Новгородѣ рядъ публичныхъ лекцій по педагогикѣ, въ связи съ физиологіей и гигиеной. Пошло, конечно, надлежащее представленіе въ центръ учебнаго округа, къ которому принадлежитъ Нижегородская губернія,—въ Казань, изъ которой и послѣдовалъ отвѣтъ въ томъ смыслѣ, что молъ не угодно ли г. лектору явиться предварительно въ Казань, для прочтенія тамъ пробной лекціи, для надлежащей ея апробаціи. Такъ какъ лекторъ желалъ читать лекціи въ Нижнемъ, а не предпринимать

прогулку въ Казань, то, понятно, онъ и предпочелъ лучше отказаться отъ задуманныхъ лекцій. Это—фактъ, документально мнѣ извѣстный, такъ какъ я самъ читалъ относящуюся до него официальную переписку.

А вотъ и другой, который я, по своему скептицизму, несмотря на то, что знаю о немъ, какъ говорится изъ достовѣрныхъ источниковъ, готовъ причислить къ уткамъ.

Двумя изъ многочисленныхъ нижегородскихъ обществъ, а именно Обществомъ распространенія грамотности въ Нижегородской губерніи и братствомъ Кирилла и Меодія, задуманъ былъ также цѣлый рядъ публичныхъ чтеній по физикѣ, астрономіи, математикѣ (теорія вѣроятностей), метеорологіи и исторіи. Лекціи составлены частью цѣлкомъ, частью въ видѣ подробныхъ конспектовъ, обсужены сообща; программы, съ соблюденіемъ необходимыхъ формальностей, представлены въ Казань. Не было никакого сомнѣнія въ томъ, что лекціи состоятся. Но Казань извѣстила, что лекціи не могутъ быть ею разрѣшены, при немнѣни въ ея рукахъ удостовѣренія о «благонамѣренности» лекторовъ... Что же это такое? Гдѣ тотъ законъ, который, для одного и того же случая, требуетъ то пробной лекціи, то удостовѣренія въ «благонамѣренности»?

Мнѣ такъ и чудится, что несчастные лекторы бѣгаютъ теперь по городу съ однимъ вопросомъ на устахъ: «Кто насъ аттестуетъ благонамѣренными?.. Кто насъ аттестуетъ благонамѣренными?» Дѣло въ томъ, что большинство лекторовъ—преподаватели нижегородской классической гимназіи, слѣдовательно лица, признанныя самой Казанью «благонамѣренными». Они могли бы обратиться къ помощи нижегородскаго полицейскаго управленія, но такимъ путемъ они могутъ оскорбить Казань, потому что, такъ сказать, апеллировали бы на нее—полицейскому управленію.

А. Гацискій.

Замѣтки провинціального философа.

Самарскій голодъ кончился. Я не знаю, кончился ли онъ для самарцевъ; но я знаю, что онъ кончился для успокоившагося общественнаго мнѣнія, которому уже наскучило думать все въ томъ же направленіи и хочется думать о другомъ. Общественное мнѣние пережило самарскій голодъ въ головѣ, составило о немъ определенную идею, наговорилось и наспорилось до-сыта, устроило одинъ концертъ любителей, одинъ спектакль любителей, собрало триста рублей, послало голоднымъ самарцамъ мѣшокъ сухарей и, исполнивъ такимъ образомъ свой долгъ христіанина и гражданина, желаетъ отдохнуть теперь воображеніемъ на предметахъ болѣе пріятныхъ... Масляница уже наступила, а тамъ Святая съ куличами и пасхами, а тамъ—весна. Будемте думать о веснѣ! Но самарцы, голодные самарцы, кто же подумаетъ о васъ?

Потокъ благотворительности, хлынувшій и вначалѣ не особенно широкой струей, теперь, кажется, начинаетъ изсыхать и вѣроятно скоро изсякнетъ. Въ первыхъ пожертвованіяхъ замѣчались крупныя цифры и даже тысячныя, но эта тысячная благотворительность скоро прекратилась и въ настоящее время наступила пора какой-то вялости. Мы не противъ маленькихъ пожертвованій, не противъ полтинниковъ. Мы принимаемъ полтинникъ, высланный изъ Варшавы какимъ-то NN. Мы принимаемъ съ благодарностью и три рубля съ Г. А. за выигранное пари и пудъ сухарей отъ неизвѣстной особы, но, принимая все это съ благодарностью, мы уже не радуемся, а начинаемъ бояться. Въ первый моментъ благотворительной энергіи, когда она какъ бы пробуждалась, жилось еще надеждой, что энергія эта будетъ расти и благотворительность наконецъ обхватитъ всю Россію. Но когда теперь наступило такое время, что пожертвованіе цѣлой недѣли составляетъ одинъ скудный полтинникъ, высланный изъ Варшавы, пищи для надежды остается очень мало и является другой вопросъ. Ну, а если благотворительность остановится на этомъ полтинникѣ и не дастъ